

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

НОВГОРОДСКИЙ РАЗГРОМ

Возобновившиеся после провала переговоров в конце 1560-х годов военные действия с Литвой были неудачными. Осенью 1568 года противник занял недавно построенную крепость Улу на Западной Двине. В январе 1569 года небольшой литовский отряд под командованием Александра Полубенского занял псковский пригород Изборск. Основную роль в захвате крепости сыграли русские изменники, братья Сарыхозины и бывший стрелецкий командир Тимофей Тетерин. Литовцы и русские эмигранты были переодеты опричниками и обманом заставили гарнизон открыть ворота. Удержать крепость они смогли лишь две недели, после этого она была отбита русскими войсками. После освобождения Изборска был проведен розыск, и в измене были обвинены местные приказные, которых казнили. По свидетельству Штадена, казнены были дьяки в ливонских городах, занятых русскими, — Феллине, Тарвасте, Мариенбурге. Им в вину ставилось намерение перейти на сторону противника*.

Гораздо более серьезное значение имело подписание Люблинской унии летом 1569 года между Литвой и Польшей, которая объединяла эти страны не только личной унией, но создавала новое государство — Речь Посполитую. Это существенно усиливало позиции противников

---

* ПСРА. Т. 5. Вып. 2. С. 261; *Штаден Г.* Записки немца-опричника. С. 52–53; *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 533.

России на западе благодаря значительному военному потенциалу нового государства. Резко обострились отношения со Швецией. Дело в том, что король Эрик XIV, с которым у России сложились вполне мирные отношения, был свергнут с престола в сентябре 1568 года. Незадолго до этого с ним было достигнуто соглашение о выдаче русскому правительству сестры польско-литовского короля Сигизмунда II Августа Екатерины. Особую пикантность ситуации придавало то, что к этой Екатерине сватался сам Иван IV после смерти Анастасии, но в результате она вышла замуж за шведского принца Юхана, брата короля Эрика. Вскоре после этого Юхан попал в заключение, а с Эриком подписали договор о выдаче Екатерины. Царь впоследствии заявлял, что считал ее мужа Юхана мертвым, а Екатерина ему нужна была для давления на Сигизмунда II Августа. В обмен Грозный согласился вести непосредственные переговоры со шведским правительством, минуя новгородских наместников. В Стокгольм даже прибыло русское посольство, которому и должна была быть передана принцесса. Но к тому времени обстановка в Швеции уже была крайне напряженной. Стало известно о безумии короля Эрика и о поднятом его братьями мятеже. В конце концов Эрик был арестован, а королем стал его брат, муж Екатерины Юхан, отношения с которым после всего

Изборск
Фотография XX в.

Екатерина Ягеллонка, жена Юхана Шведского
Портрет XVI в.

происшедшего были безнадежно испорчены. Не за горами был новый вооруженный конфликт.

В таких условиях царь решил изменить тактику действий в Ливонии. Теперь предполагалось создать в Прибалтике вассальное королевство под руководством бывшего магистра Ордена, находившегося в плену Вильгельма Фюрстенберга. Однако переговоры с ним не привели к успеху. Тогда, по совету перешедших на русскую сторону ливонских дворян Таубе и Крузе, решили предложить корону брату датского короля герцогу Магнусу, владевшему к тому времени островом Эзель и некоторыми землями в Ливонии. Переговоры с ним привели к заключению соглашения*.

Одновременно обострилась ситуация и на юге. Турецкое правительство крайне болезненно отнеслось к присоединению к России

* Штаден Г. Записки немца-опричника. С. 46–47.

Эрик IV, король Швеции
Гравюра XVI в.

Казани и Астрахани. Наконец, в 1569 году турецкая армия при поддержке войск крымского хана предприняла попытку отбить Астрахань. Для предотвращения угрозы была усилена оборона южных границ. На переволоку (место, где сближаются Дон и Волга) были отправлены войска под командованием боярина Петра Серебряного, в Нижний Новгород — князь Владимир Андреевич. Но турецкий поход оказался неудачным. Попытки устроить волок и перетащить суда и осадную артиллерию с Дона на Волгу не привели к успеху. Без огневой поддержки все попытки овладеть Астраханью, находящейся на острове и хорошо укрепленной, были заранее обречены на неудачу. Турки даже не стали штурмовать город, а 26 сентября отошли обратно к Азову. Неудача похода на Астрахань, впрочем, не означала успокоение на южных границах, наоборот, реальностью стали ежегодные широкомасштабные набеги крымских татар (вассалов Турции) на русские земли.

Ухудшение внешнеполитической ситуации не привело к прекращению репрессий, наоборот, внешнеполитические неудачи царь напрямую связывал с изменой подданных. Уже говорилось о казни приказных, обвиненных в сношениях с литовцами. Мало того,

Грозный стал подозревать население целых регионов страны в предательстве. Из Пскова и Великого Новгорода производится «вывод» в центральные районы страны подозрительных лиц. Под пристальным вниманием находятся и бояре. В конце 1560-х годов прерывается карьера одного из старейших членов Думы князя Ивана Ивановича Турунтая-Пронского, служившего еще при Василии III. Престарелый князь уже давно находился под подозрением — еще в 1547 году, после Московского восстания, он пытался бежать в Литву, но был прощен «по печалованию» духовенства и за поручительством других бояр. В 1553 году Турунтай являлся одним из сторонников кандидатуры Владимира Старицкого на престол в случае смерти царя. Пытаясь спастись, князь постригся в монастыре, но Грозный «извлек его из чреды спасенных» и приказал утопить в реке*.

В сентябре 1569 года умирает вторая жена царя Мария Темрюковна. Она была еще молода, и Иван IV посчитал, что ее отравили. Возможно, именно эта смерть послужила окончательным предлогом для расправы над двоюродным братом. Кроме того, сведения о перевороте в Швеции беспокоили мнительного правителя. Старицкого обвинили в замысле отравить царя. Для этой цели был использован повар, подавший донос о том, что получил от князя пятьдесят «серебренников» на отравление. Владимир Андреевич был вызван из Нижнего Новгорода в Слободу. Но на ямской станции Богане Старицкий с приближенными был окружен опричными отрядами. К нему явились опричные судьи Василий Грязной и Малюта Скуратов и обвинили в заговоре на жизнь и престол монарха. Для подтверждения обвинений был доставлен повар и другие «свидетели». Вина двоюродного брата казалась царю полностью доказанной. Открыто казнить его он не решился, а приказал выпить яд (9 октября 1569 года). Вместе с Владимиром Андреевичем погибли его жена, происходившая из князей Одоевских, и маленькая дочь Евдокия. Казнены были и придворные удельного князя. Та же участь постигла повара и других «свидетелей» обвинения.

Впрочем, в живых остались дети Старицкого Василий Владимирович и Мария Владимировна. Князю Василию был передан отцовский удел, но спустя несколько лет он умер при неясных обстоятельствах.

---

* Курбский А. М. История о великом князе Московском // ПЛДР. Вторая половина XVI в. С. 334.

Магнус, король Ливонии
 Портрет XVI в.

Мария Владимировна стала женой номинального короля Ливонии, царского вассала Магнуса и имела от него дочь. Долгое время она прожила в Ливонии, затем была вывезена в Россию, пострижена в монахини и умерла спустя долгие годы после описанных событий.

Почти одновременно с Владимиром Андреевичем была убита и его мать княгиня Ефросиния, уже долгие годы находившаяся в монастыре. Ее со свитой везли в Александрову слободу, но по дороге уморили дымом. Вместе с княгиней погибли ее приближенные боярыни и несколько слуг. Со Старицкими было покончено. Грозный теперь мог не опасаться двоюродного брата, долгие годы бывшего его династическим соперником*.

Однако вскоре террор принимает невиданные ранее масштабы. Разгрому был подвергнут один из крупнейших русских городов — Великий Новгород. Разгром — одно из самых известных событий времени правления Ивана Грозного. О нем помнили десятилетия. Например, участникам ганзейского посольства в Москву в 1603 года объяснили, что бедственное положение пригородных новгородских монастырей — прямое следствие событий 1570 года.

* ПСРА. Т. 34. С. 191; Курбский А. М. История о великом князе Московском // ПЛДР. Вторая половина XVI в. С. 334–336; Новое известие о России времени Ивана Грозного: «Сказание» Альберта Шлихтинга. С. 48; Скрынников Р. Г. Царство террора. С. 533, 535–536.

Мария Владимировна, королева Ливонии
Портрет XVI в.

В чем же причины разгрома? В состав Русского государства Новгород окончательно вошел в 1478 году при Иване III. Вскоре из города были выселены местные бояре и крупные купцы. Их место заняли выходцы из Москвы и других центральных районов государства. Бывшие земли бояр передали помещикам. В Москве тщательно следили за ситуацией в недавно присоединенном крае. На пост наместников назначались лица, в преданности которых у правительства не было сомнений. Важнейший сан новгородского архиепископа доставался лишь специально подобранным представителям духовенства. В общем-то подобная политика дала свои плоды: во время выступления Андрея Старицкого в 1537 году новгородцы в своей массе не поддержали удельного князя.

Однако спустя несколько десятилетий ситуация в городе стала меняться. Дело в том, что продолжавшаяся бесконечно долго Ливонская война чувствительно ударяла по интересам ведущих групп новгородского населения — купцов и духовенства, издавна связанных с западной торговлей. В условиях же войны, когда пиратством занимались

все прибрежные державы, торговля стала крайне ненадежным делом, даже несмотря на то, что в руках русских находилась Нарва. Шведские и польские корабли стремились установить блокаду города, так как прямые связи между русскими торговцами и западноевропейскими лишали местных посредников доходов от выгодных сделок. В таких условиях внешняя торговля через Балтийское море стала чрезвычайно опасным делом. Все попытки русского правительства сделать Нарву крупнейшим портом в восточной части Балтийского моря наткнулись на упорное противодействие Швеции, Польши, Литвы и даже Дании. Особые неприятности купцам доставлял Ревель, с 1562 года находившийся под властью Швеции, правительство которой заявило о том, что будет захватывать все суда, следующие в Нарву. Русскими товарами же разрешили торговать только в Ревеле. И это были не пустые угрозы. Сохранились послания нарвских воевод властям Ревеля с жалобами на грабежи и насилия, которым подвергались купцы, следующие в Нарву. Например, воевода жалуется на то, что «ваши колыванские (жители Ревеля. — В. Ш.) воинские люди... корабли и товары ограбили, купцов свезли в Колывань». Сейчас «ругодивские немцы» (жители Нарвы) посылают четыре корабля со своими товарами и товарами иностранных купцов, но до них дошел слух, что «колыванские немцы стоят в засаде на море и хотят ограбить товары, а за

Морские суда

Западноевропейская гравюра XVI в.

Иностраный купец
Гравюра из книги С. Герберштейна. XVI в.

море не пустить». Воевода предлагает вести нормальную торговлю, так как по указу царя в Нарве жители Ревеля могут торговать свободно. В заключение послания содержится требование пропускать корабли за море «без задержки». Приведенное послание далеко не единственное. Сохранились подобные документы и от 1566, 1567, 1568, 1569 годов. Русские воеводы то просят, то угрожают ответными санкциями. Приведем некоторые отрывки из посланий воевод: «И вперед бы есте государя нашего ругодивских немец товаров грабити людем своим не велели и шкоты бы государя нашего людем не чинили никоторые ни в чем, тем бы есте от великого государя царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси на государя своего Ирика короля гневу не наводили». После оставшегося безответным послания последовало новое: «А вашего государя люди нашего государя людей ис кораблей товары на море грабят, шкоты им и обиды чинят великие. И толке мы учнем государя вашего людем в Ругодиге (Нарве. — В. Ш.) и на Иване городе шкоты и обиды чинити, и то будет добро ли, что в суседстве, браняся, жити?» Однако подобные просьбы и угрозы не имели ровным счетом никакого действия — захваты кораблей продолжались. Очевидно, что Ревель и Швеция не собирались мириться с усилиями русского правительства, направленными на расширение нарвского мореплавания.

Христиан III, король Дании (1534–1559)
 Портрет XVI в.

Сам Иван IV в переписке с датским королем признает, что шведы и поляки грабят корабли, следующие в Нарву, и «в наше государство дорогу торговым людям затворили». Грозному пришлось даже выдать К. Роде грамоту с разрешением отлавливать иностранных пиратов. Но и эта мера не помогла — вскоре царь опять жалуется правителю Дании на действия шведов: их король «не хотя нам прибытка и нам грубачи... дорогу тое затворил и людей торговых всех государств грабит»*.

Таким образом, нарвская торговля во время Ливонской войны была делом довольно ненадежным. Блокада Нарвы шведскими и польскими корсарами заставляла держать путь через Белое море, который в период Ливонской войны и стал постепенно выдвигаться на первое место. Нестабильность нарвской торговли неизбежно должна была отразиться на новгородском купечестве. В условиях войны любая

---

* Форстен Г. В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях. Т. 1. СПб., 1893. С. 166, 255; Русско-ливонские акты. СПб., 1868. С. 395–396; Русские акты Ревельского городского архива // Русская историческая библиотека. Т. 15. СПб., 1894. Стб. 141–146, 151–156, 161–164 и др.; Щербачев Ю. Н. Русские акты Копенгагенского государственного архива. СПб., 1897. Стб. 101–104, 109.

Фредерик II, король Дании (1559–1588)
Портрет XVI в.

внешнеторговая сделка была сопряжена с большим риском — купец мог потерять все в результате нападения корсаров. Прибыли от торговли сократились. Можно было попытаться найти другие, более надежные каналы для сбыта своих товаров на Запад. Но северный торговый путь был не очень доступен новгородцам — сливки снимали купцы Холмогор, Вологды и Москвы. Кроме того, доставка товаров на Северную Двину требовала больших затрат, причем было неизвестно, окупятся они или нет. Англичане также были заинтересованы в том, чтобы найти путь в Новгород. В конце концов им это удалось. Но едва ли этот маршрут мог привлечь — путь занимал более месяца. Кроме того, товары по этому пути можно было перевозить только зимой. Как отмечали сами англичане, «нет никакой надежды на то, что туземцы повезут свои товары из Новгорода... чтобы продать нам». Очевидно, что, пока существовала хоть малейшая надежда на то, что товары можно сбывать иностранцам у себя под боком — в Нарве, новгородские купцы вряд ли серьезно переориентировали свои операции на север.

Таким образом, в результате Ливонской войны новгородское купечество оказалось в тяжелом положении. С каждым годом

Торговля хлебом и медом в Новгороде
Миниатюра Лицевого летописного свода. XVI в.

продолжавшегося конфликта это положение все более ухудшалось, а конца войны не было видно. В таких условиях единственным способом выживания для купцов было скорейшее заключение мира. Московское правительство, однако, не собиралось прекращать войну — Земский собор 1566 года высказался за ее продолжение. На Соборе присутствовали и представители купечества — в основном московского, новгородские же торговые люди не имели должного представительства.

Крупнейшие новгородские купцы — Сырковы, Таракановы, Ямские, Корюковы были тесно связаны с местным духовенством, часто выступали строителями и основателями церквей и монастырей. Они же часто возглавляли и местную новгородскую приказную администрацию, занимали должности дьяков и старост.

В торговых операциях участвовали не только купцы, но и представители духовенства. Имеются данные о непосредственных связях новгородских архиепископов с внешней торговлей. Духовенство могло вести торговлю и при посредничестве местных купцов. Участие церковников в торговле связывало их интересы с интересами купцов. Эта совместная деятельность и трудности, с которыми сталкивалась

Русский купец

Гравюра из книги С. Герберштейна. XVI в.

торговля в период затянувшейся Ливонской войны, вели к тому, что значительная часть новгородского духовенства и купечества стала в оппозицию проводившемуся центральным московским правительством курсу на войну до «победного конца». Первоначальному энтузиазму, вызванному очевидными успехами русского оружия, приходит на смену более осторожное и взвешенное отношение к внешнеполитическим акциям Ивана Грозного. Скорейшее прекращение войны становилось для многих виднейших жителей Новгорода важнейшим вопросом — от этого зависело их благополучие.

Перед архиепископом Пименом, занимавшим свой пост с начала 1550-х годов, стоял вопрос: продолжать ли ему поддерживать политику царя, которая шла вразрез с интересами значительной части его паствы и с его собственными материальными интересами. Известно, что Пимен имел тесные связи с опричным руководством, выполнял многие поручения Ивана IV. Именно он возглавлял делегацию, отправленную в Слободу в январе 1565 года с целью добиться возвращения Грозного на престол, именно он, как Новгородский архиепископ, возглавил церковный Собор, осудивший митрополита Филиппа. Однако к концу 1560-х годов безоговорочно поддерживать царя он уже не мог.

Ситуацией были недовольны не только отдельные представители духовенства и купечества, но гораздо более широкие круги населения северо-запада России. Уже начало военных действий было отмечено эксцессами: в 1558 году войска под командованием Михаила Глинского грабили собственное же население: «Едучи дорогою, сильно грабил своих, и на рубеже люди его деревни псковской земли грабили, и живот секли, да и дворы жгли христианские». Недовольно было население Северо-Запада пососной службой, от которой «протору много», не говоря уже о набегах литовских войск. Понятно, что война вызвала и рост налогов.

Рост налогов, привлечение населения к пососной службе, проход своих войск и набеги чужих — все это подрывало стабильность хозяйства. К довершению всех неприятностей, вторая половина 1560-х годов отмечена голодом и эпидемиями, которые вызвали значительную убыль населения*. В подобных условиях рост недовольства самых широких кругов общества был неизбежен.

Очевидно, что царь был в должной мере осведомлен о недовольстве, распространявшемся в Великом Новгороде и Пскове. Это недовольство не могло появиться вдруг, внезапно, оно постепенно нарастало, захватывая в свою орбиту все новых и новых людей. Грозный мог некоторое время скрепя сердце мириться с подобным положением дел, ограничиваясь сравнительно мягкими наказаниями — очередными выводами населения, проведенными в 1569 году. Основную массу выселенных составляли «средние» и «меньшие» посадские люди. Однако подобные меры не могли уменьшить количество недовольных. Особую опасность оппозиционным настроениям, по мнению царя, придавало то, что среди недовольных оказались верхи посада и духовенство, заинтересованные в скорейшем окончании затянувшейся войны. Собственно, это были те группы населения, на поддержку которых в обычных условиях царь мог рассчитывать. Но война, которая самым непосредственным образом затрагивала интересы этих слоев, сделала многих представителей купечества и духовенства из сторонников — противниками проводившейся Грозным политики. В таких условиях для того, чтобы над Великим Новгородом разразилась опричная гроза, было достаточно малейшего повода.

Вскоре такой повод представился. В новгородских летописях сохранилось предание о некоем бродяге Петре Волынце, который был

---

* ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. С. 235, 240, 243, 247.

подвергнут наказанию новгородскими властями. Затаив обиду, он составил подложную грамоту об измене жителей города, подделав подписи архиепископа Пимена и других видных горожан. Подложная грамота была спрятана в Софийском соборе. После этого Вольнец подал Грозному донос на новгородцев. Посланные царем люди обнаружили поддельную грамоту в указанном месте. Это и послужило основанием к разгрому Великого Новгорода. Так это или не так было в действительности, гораздо важнее другое — Иван IV поверил в существование измены (к тому же ему и раньше было известно о том, что в Новгороде существуют недовольные проводившейся им политикой) и принял решительные меры для разгрома очередного заговора.

По сообщению Таубе и Крузе, сам царь сообщил опричникам о том, что город Новгород, духовенство и население решили предаться королю Польши. Карательная экспедиция готовилась в глубокой тайне. Все дороги от Александровской слободы до Новгорода были заняты опричными заставами под предлогом борьбы с эпидемией чумы. Никого не пропускали по этим дорогам для того, чтобы некому было подать весть о приближении к Новгороду опричного воинства. По маршруту движения царя происходили грабежи и насилия. Так, были разгромлены Тверь, в которой Грозный приказал «грабить все — и церкви, и монастыри; пленных убивать (захваченных в ходе Ливонской войны), равно как и тех русских людей, которые породнились или сдружились с иноземцами. Всем убитым отрубали ноги — утешения ради; а потом трупы их спускали под лед в Волгу. То же было и в Торжке; здесь не было пощады ни одному монастырю, ни одной церкви».

В самом конце декабря 1569 года Новгород был окружен опричниками. Первым делом была опечатана казна монастырей и церквей, а старцы (около пятисот человек) поставлены на правеж. Та же участь постигла и белое духовенство — с них потребовали выплатить по двадцать рублей. Одновременно были опечатаны палаты именитых людей, а гости, приказные и купцы были переданы приставам до специального указа. 7 января Грозный приказал находящихся на правеже монастырских старцев избить палицами до смерти, а тела развести по обителям для погребения. На следующий день в город въехал сам царь. Встречавшему его архиепископу Пимену не было позволено благословить монарха, а было заявлено, что он является не пастырем, но волком. Впрочем, это не помешало Ивану IV посетить торжественное богослужение в Софийском соборе, проводившееся Пименом, и принять

приглашение на пир. Посреди пира Грозный отдал приказ начать изъятие ценностей из местных церквей (казны, икон, колоколов), а архиепископу «желая воздать благодарность за его щедрость, он велит стащить с его головы тиару, которую тот носил, а вместе с тем снимает с него все епископское облачение... говоря: “Тебе не подобает быть епископом, а скорее скоморохом. Поэтому я хочу дать тебе в супружество

Клеймо с изображением кентавра-Китовраса на Васильевских воротах, выполненных в 1336 г. для Софийского собора в Новгороде. Повелением Ивана Грозного были увезены в Александровскую слободу

жену”... тиран велит привести кобылу и обращается к епископу: “Получи вот эту жену, влезай на нее сейчас, оседлай и отправляйся в Московню и запиши свое имя в списке скоморохов”. Далее, когда тот взобрался на кобылу, тиран велит привязать ноги сидевшего к спине скотины и, удалив его таким образом из города и прогнав с епископства, велит ему отправляться по назначенной дороге. И когда тот уже удалился, он опять велит позвать его к себе и дает ему взять в руки музыкальный инструмент, мехи и лиру со струнами. «Упражняйся в этом искусстве, — сказал тиран, — тебе ведь не остается делать ничего другого, в особенности после того, как ты взял жену». И вот этот епископ, не умевший до того играть на лире, верхом на кобыле по приказу тирана удалился в Москву, бряцая на лире и надувая мехи». Кроме архиепископа были арестованы его бояре и слуги.

Разгром продолжался пять недель, проходили ежедневные казни, приговоренных сбрасывали в Волхов, были ограблены городские и окрестные монастыри: ценности изымались, а хлеб и скот уничтожались. Первое время основной удар наносился по дьякам, приказным, архиепископским слугам и духовенству. Лишь в конце Грозный приказал разгромить новгородский торг, а в окрестности города отправил карательные отряды, опустошавшие все за двести и триста верст от города. В феврале уцелевшие от первых казней были отправлены в Александровскую слободу для продолжения следствия. Вскоре и сам царь покинул Новгород. Летопись указывает: Грозный «приде с великой яростию... с силою, и плени Новгород конечно, яко же и от начала не бысть над ним таково зло... и не мощи изречи сицевыя беды, еже сотвори над ним».

Но даже и после отъезда Ивана IV из города продолжалось изъятие средств в монастырях. Этим занимался Константин Поливанов. Только в январе следующего года (1571) Поливанов покинул город на Волхове. Как отмечает летописец, «а правож был по монастырям по ноугородским: правили на 27 монастырях, а на иных не правили».

Мимо новгородского разгрома не мог пройти такой противник Ивана Грозного, как Андрей Курбский. Однако князь не находился в России в период описываемых событий и писал по слухам. По его словам, за один день было убито более пятнадцати тысяч человек, особо отмечает Курбский грабеж, которым сопровождался события: «Слышали мы, что приобрел он тогда великие кровавые и проклятые богатства, ибо в старинном этом... городе живет торговое население... Похоже на то... что ради этих великих богатств он и уничтожил их». Иностранцы

указывают на пытки арестованных с целью выяснить, где находятся их деньги и добро. Церкви и монастыри были ограблены до такой степени, что «не осталось ни одной иконы ценной полгульдена, ни колоколов, ни церковной утвари». Выявленные товары (воск, сало, лен, меха) царь велел сжечь и бросить в воду. Ценные ткани были розданы опричникам, а более ликвидные ценности поступили в царскую казну. Подробно говорится о разгроме в Нарве: были уничтожены русские товары, на купцов наложен штраф в восемь тысяч рублей и выплаты вином, шафраном, сукном. Тех, кто не мог откупиться поставили на правеж*.

Кроме централизованного грабежа в Великом Новгороде и его окрестностях действовали многочисленные отряды, грабившие на свой страх и риск, не имея на это специальных разрешений от Ивана IV. О том, как это происходило, дает представление рассказ Г. Штадена. По его словам, он решил действовать самостоятельно и собрал к себе множество слуг, особенно тех, «которые были наги и босы, одел их... А дальше я начал свои собственные походы... мои люди оставались верны мне. Всякий раз, когда они забирали кого-нибудь в полон, то расспрашивали честью, где — по монастырям, церквям или подворьям — можно было бы забрать денег и добра, и особенно добрых коней. Если же взятый в плен не хотел добром отвечать, то они пытали его, пока он не признавался. Так добывали они мне деньги и добро. Как-то однажды мы подошли в одном месте к церкви. Люди мои устремились вовнутрь и начали грабить, забирали иконы и тому подобные глупости». Здесь Штаден стал свидетелем столкновения между опричниками и земскими. Он помог своим и получил возможность разграбить двор одного из земских дворян. Как он вспоминает: в доме «наверху меня встретила княгиня, хотевшая броситься мне в ноги. Но, испугавшись моего грозного вида, она бросилась назад в палаты. Я же

---

* Новгородские летописи. СПб., 1879. С. 100–106, 337–345, 468; ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1. М., 2003. С. 115–116; ПСРЛ. Т. 34. С. 191; Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979. С. 226; Курбский А. М. История о великом князе Московском // ПЛДР. Вторая половина XVI в. С. 366–368; Послание Таубе и Крузе // Русский исторический журнал. Кн. 8. С. 47–50; Штаден Г. Записки немца-опричника. С. 48–50; 106–108; Новое известие о России времени Ивана Грозного: «Сказание» Альберта Шлихтинга. С. 27–32; Горсей Дж. Записки о России: XVI — начало XVII в. М., 1990. С. 22; Каппелер А. Малоизвестная немецкая «газета» об опричнине // Россия в IX–XX веках: Проблемы истории, историографии и источниковедения. М., 1999. С. 170–172; Каппелер А., Скрынников Р. Г. Забытый источник о России Ивана Грозного // Отечественная история. 1999. № 1. С. 135–136.

Спас.

Фрагмент митрополичьего места в Софийском соборе в Новгороде

всадил ей топор в спину, и она упала на порог. А я перешагнул через труп и познакомился с их девичьей... Затем мы проехали всю ночь и подошли к большому незащищенному посаду. Здесь я не обижал никого. Я отдыхал... Когда я выехал с великим князем, у меня была одна лошадь, вернулся же я с 49-ю, из них 22 были запряжены в сани, полные всякого добра»*.

Существуют различные мнения о количестве жертв новгородского разгрома. По данным источников трудно составить полное представление об этом. Горсей упоминает о семиста тысячах погибших, что, конечно же, совершенно невероятно. Другие источники называют разные цифры: от нескольких до десятков тысяч. Вероятнее всего, речь может идти о тысячах, так как все население Великого Новгорода едва ли превышало тридцать тысяч человек.

* Штаден Г. Записки немца-опричника. С. 106–108.

Стены и башни Новгородского кремля
 Построен в 1484–1490 гг.

Обращает на себя внимание то, что разгром оказался подлинной катастрофой для многих представителей местного купечества. Казнены были виднейшие купцы: Сырковы, Таракановы, Корюковы, Ямские. Разграблению и уничтожению подверглось имущество. Само по себе уничтожение двадцатилетних запасов экспортных товаров являлось наказанием торговым людям Новгорода за их недовольство политикой царя. Грозный был твердо убежден, что купечество города замешано в существующем (или воображаемом) заговоре. Торговых людей к участию в нем толкали реальные материальные интересы. Очевидно, что царь понимал, что товары не находят устойчивого сбыта, уничтожая их, он стремился уничтожить самый предмет недовольства. Иван IV полагал, что именно «лишние» богатства мешают некоторым его подданным выполнять свой долг — беспрекословно повиноваться данному Богом владыке. Забота о прибыли побуждает богатеев вмешиваться в политические дела, стремиться к участию в определении направления внешней политики государства.

В этой связи обращает на себя внимание фрагмент из послания Грозного английской королеве Елизавете: «А то у тебя мимо тебя люди владеют, и не токмо люди, но мужики торговые, и о наших о государских

головах и о честях и о землях прибытка не смотрят, а ищут своих торговых прибытков». Эти слова царь написал (продиктовал) спустя всего несколько месяцев после новгородского разгрома — 24 октября 1570 года. Думается, он имел в виду не только английских купцов, но и своих собственных, новгородских, которые искали не продолжения войны согласно предначертанному царем плану, а «торговых прибытков», соглашаясь с возможностью порушить «государскую честь».

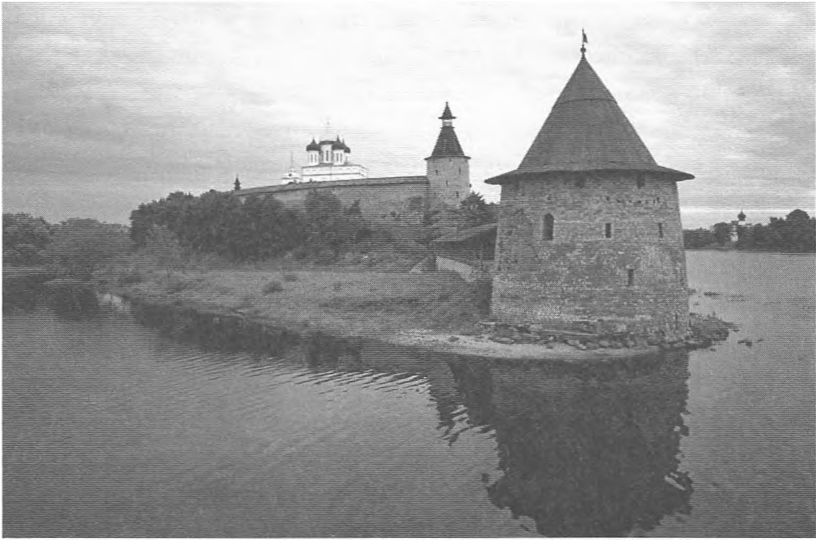
Источники постоянно подчеркивают репрессии, которым подверглось новгородское духовенство и сам архиепископ. Обращает на себя внимание конфискация и уничтожение материальных ценностей, принадлежавших духовенству. Иван IV был убежден, что именно мирские, материальные интересы толкнули представителей Церкви на «измену». Уничтожение имущества, в котором, по мнению Грозного, был «корень зла», являлось платой за «предательство». Именно оно соблазнило духовенство, а в Писании сказано: «Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя» (Матфей, 5: 29). Для царя уничтожение запасов было скорее услугой, которую он оказал своим богомольцам, освобождая их от мирских забот, мешающих им выполнять свой долг: беспрекословно подчиняться данному Богом правителю, служить не для виду, а вправду.

Таким образом, причины разгрома надо видеть в росте недовольства местного общества продолжавшейся Ливонской войной, которая была невыгодна влиятельным слоям населения. В таких условиях вполне вероятно оживление оппозиционных настроений. Вылились ли эти настроения в настоящий заговор — неизвестно, но для Грозного любое недовольство было равнозначно измене, что требовало принятия самых решительных и жестких мер.

Разгром Новгорода был лишь первым этапом карательной экспедиции. На подозрении у Грозного был и Псков, вошедший в состав Русского государства лишь в 1510 году. Но в отличие от Новгорода, присоединение Пскова не было связано с военными походами, все обошлось мирно. Несмотря на это, правительство Василия III предприняло вывод части населения города в центральные районы страны. Иван IV повторил этот опыт после захвата Изборска (псковского пригорода) литовцами. Во время похода к Новгороду на пути царя оказались переселяемые псковичи. Они были перебиты. В Синодике опальных записаны более двухсот человек*.

---

* Скрынников Р. Г. Царство террора. С. 536.

Псков. Кремль
 Построен в конце XV в.

В феврале 1570 года опричное войско во главе с царем подошло к Пскову. По сообщению местной летописи, Грозный «прииде с великою яростию, яко лев рыкая, хотя растерзати неповинныя люди и кровь многую пролити». Однако Псков счастливо избежал участи Великого Новгорода. Источники называют несколько причин смягчения Ивана IV. Указывают на то, что псковский наместник князь Юрий Токмаков поручился перед царем за жителей города, а горожанам посоветовал на всех улицах выставить накрытые столы с угощением. Вошедший в Псков государь увидел накрытые столы и низко склонившихся перед ним псковичей. Это и привело к утолению его ярости. Говорили также о том, что перед его въездом в город в церквях звонили колокола и именно от этого звона Грозный смягчился. Наконец, третья версия спасения города указывает на заступничество юродивого Николы Саллоса.

Один из иностранцев — Горсей — передает, что лично видел этого святого человека. Как протестант, Горсей не верил в его святость, и этим объясняется тон его сообщения: «Я сам видел этого мошенника или колдуна: жалкое существо, нагое зимой и летом, он выносит сильную стужу, так и жару, совершает многие странные действия благодаря дьявольскому колдовскому отводу глаз, его боятся и почитают все, как князья, так и народ». Грозный, как и подавляющее большинство

его современников, верил в святость юродивых. При встрече с ним Никола разразился «смелыми проклятиями, заклинанием, руганью и угрозами, называл его кровопийцей, пожирателем христианской плоти, клялся, что царь будет поражен громом, если он или кто-нибудь из его войска коснется с преступной целью хотя бы волоса на голове последнего из детей этого города, предназначенного Богом и его добрым ангелом для лучшей участи, нежели разграбление; царь должен выйти из города прежде, чем Божий гнев разразится в огненной туче, которая, как он сам может убедиться, уже висит над его головой и в любую минуту может обернуться сильной мрачной бурей. Царь содрогнулся от этих слов и просил его молиться об избавлении и прощении его жестоких замыслов». Согласно другим рассказам, Никола предупредил Грозного, что если он не покинет город, то умрет и, в подтверждение его слов, монарху сообщили о смерти его любимого коня.

Впрочем, несмотря на то что Псков отделался сравнительно легко, казни в нем все-таки прошли. В Синодике записаны несколько десятков имен местных помещиков и некоторых других лиц. Казнены были и представители местного духовенства. Наиболее значительной фигурой из них был архимандрит крупнейшего местного монастыря Корнилий. Расправился царь и с его ближайшим помощником старцем Вассианом Муромцевым, который в свое время находился в переписке с Андреем Курбским. Казнен был и бывший келарь Троице-Сергиева монастыря Дорофей Курцев.

Городу не удалось избежать и грабежей: царь «повеле грабители имение у граждан... и стоял на посаде немного и отъиде к Москве; а церковную казну по обителем и по церквам, иконы, и кресты, и пелены, и сосуды, и книги, и колоколы, пойма с собою»*.

После окончания грандиозного опричного похода царь отправился в Старицу, где произвел смотр своего воинства, а затем удалился в Александрову слободу. Здесь продолжалось расследование измены и проводились допросы с применением пыток вывезенных из Великого Новгорода заговорщиков. В результате деятельности опричных следователей (Малюты Скуратова и Василия Грязного) получился такой «заговор», которого еще не было: в измене были обвинены виднейшие опричники — боярин Алексей Басманов с сыновьями и князь Афанасий Вяземский, то есть те лица, которые находились с царем с самого

---

* ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1. С. 115–116; Т. 34. С. 191; Горсей Дж. Записки о России. С. 54; Скрынников Р. Г. Царство террора. С. 539–540.

учреждения опричнины. Кроме них обвинялись ведущие деятели земского правительства, долгие годы пользовавшиеся неизменным расположением Грозного.

В архиве хранилось «сыскное изменное дело» на архиепископа Пимена «и на новгородских дьяков, и на подьячих, и на гостей, и на владычных приказных, и на детей боярских, и на подьячих, как они ссылалися к Москве з бояры с Олексеем Басмановым и с сыном ево с Федором, и с казначеем с Микитою с Фуниковым, и с печатником с Ываном Михайловым Висковатого... до со князем Офонасьем Вяземским о здаче Великого Новагорода и Пскова, что архиепископ Пимин хотел с ними Новгород и Псков отдать литовскому королю, а царя и великого князя Ивана Васильевича... хотели злым умышлением извести, а на государство посадити князя Володимира Ондреевича; и в том деле с пыток многие про ту измену на новгородского архиепископа Пимина и на ево советников и на себя говорили»*.

Трудно представить себе, что ближайшие опричные сподвижники Грозного оказались замешаны в заговоре. Скорее всего, здесь мы имеем дело с борьбой в ближайшем окружении монарха, когда одна группа приближенных с помощью полученных под пытками показаний стремилась оттеснить от власти другую группу. Вместе с тем свидетельства иностранцев позволяют говорить о том, что какие-то контакты между Пименом и видными опричниками действительно были. Но это не является удивительным — ведь архиепископ Пимен поддерживал все шаги опричного руководства. Вероятно, что поход на Новгород одобрили далеко не все руководители опричнины. Так, Афанасий Вяземский предупредил новгородцев о решении царя совершить поход против города.

Вскрывшаяся «измена» ближайшего окружения перечеркнула все прежние «заслуги» советников. Вяземский, который ранее пользовался полным доверием царя и с рук которого Грозный принимал лекарства, был сперва подвергнут тяжелым испытаниям: Иван IV приказал постепенно убивать всех слуг Вяземского, а тот должен был как ни в чем не бывало являться во дворец на совещания. Постепенно были перебиты все слуги, родственники и друзья князя Афанасия. Под конец он прятался у царского лекаря, но был обнаружен и отправлен на правж. Таким образом Грозный вымогал у опального деньги. Вяземский был полностью разорен и вынужден оговаривать многих не причастных

* Опись архива Посольского приказа 1626 года. Ч. 1. М., 1977. С. 257.

к делу лиц, вымышляя, что те должны ему деньги. Оговоренные были вынуждены отдавать несуществующие долги, которые сразу же поступали в царскую сокровищницу. В конце концов князь Вяземский был отправлен в заключение в Городец, где и умер в оковах*. Сошли со сцены и Басмановы. Рассказывали, что для подтверждения своей преданности царю Федор Басманов должен был зарезать своего отца. Но это не спасло его от опалы**.

Измена новгородцев и опричного окружения не на шутку встревожила Грозного. Митрополиту Кириллу было предложено «бояр и всяких чинов людей утверждать, чтоб ему, государю, служили безо всяких хитрости»***. Надо ли говорить, что Кирилл выполнил царское пожелание. Лишь после этого до сведения высшего духовенства было доведено об измене новгородского архиепископа Пимена. Предугадывая желание царя, Собор запретил опальному архиерею совершать богослужения. Вместе с тем Грозный просил не снимать с Пимена сан «до подлинного сыску и соборного уложения», то есть церковного суда. Суд состоялся в июле 1570 года. Опальный архиепископ был приговорен к заключению в небольшом тульском монастыре, где и умер в сентябре 1571 года. Кроме того, Освященный собор принял решение об изменении границ Новгородской епархии. Вага, Холмогоры и некоторые другие территории перешли под управление епископа опричной Вологды, а под контроль новгородского архиерея вернулись лишь после смерти Ивана IV.

Расправившись со своими ближайшими опричными сподвижниками втихомолку, не привлекая широкого внимания, Грозный решил для земских «изменников» устроить показательные казни. Этому предшествовали драматические обстоятельства — выступление против репрессий печатника Ивана Висковатого. Его протест был во многом вызван личными причинами — был арестован его родной брат Третьяк Висковатый. Содержание разговора между монархом и дьяком передает Шлихтинг. По его словам, печатник, которого он называет канцлером, увещевал его, чтобы он подумал о Боге и не проливал столько невинной крови, и «просил его подумать о том, с кем же он будет впредь не то что воевать, но и жить, если он казнил столько храбрых людей.

---

* Новое известие о России времени Ивана Грозного: «Сказание» Альберта Шлихтинга. С. 32–33; Штаден Г. Записки немца-опричника. С. 55.

** Курбский А. М. История о великом князе Московском // ПЛДР. Вторая половина XVI в. С. 394; Штаден Г. Записки немца-опричника. С. 55.

*** Опись архива Посольского приказа 1626 г. Ч. 1. С. 315.

Наказание кнутом

Миниатюра Лицевого летописного свода. XVI в.

А великий князь на это ответил: «Я вас еще не истребил, а едва только начал, но я постараюсь вас всех искоренить, чтобы и памяти вашей не осталось»*. Царь постарался выполнить свое обещание — вскоре Третьяк Висковатый был казнен вместе с некоторыми другими лицами. Через несколько дней был убит воевода боярин князь Петр Серебряный с племянником**.

Однако самые грандиозные казни состоялись в Москве 25 июля 1570 года. Летопись кратко сообщает о произошедшем: «Положил царь и великий князь опалу на многих людей и повеле их казнити разными казнями на Поганой луже. Поставиша стол, а на нем всякое оружие: топоры и сабли, и копия, ножи да котел на огне. А сам царь выехал, вооружаясь в доспехе и в шеломе и с копием, и повеле казнити дьяка Ивана Висковатова по суставам резати, а Никиту Фунникова, дьяка же, варом обварити; а иных многих разными муками казниша. И всех 120 человек убиша грех ради наших». Гораздо более подробно описывает московские казни Шлихтинг. Заранее в землю было вбито двадцать кольев, к которым были привязаны бревна. На

* Новое известие о России времени Ивана Грозного: «Сказание» Альберта Шлихтинга. С. 62.

** Скрынников Р. Г. Царство террора. С. 540—541.

огромном котле кипела вода, другой котел был с холодной водой. Испуганное население попряталось, не зная, чего ожидать от таких приготовлений. Выехавший на площадь царь в сопровождении полутора тысяч стрельцов был несколько озадачен отсутствием зрителей. Сам государь разъезжал по площади, призывая народ не бояться. Постепенно собиралась толпа. Грозный спрашивал у собравшихся, хорошо ли он делает, казня изменников. Народ восклицал: «Живи, преблагий царь. Ты хорошо делаешь, что наказуешь изменников по делам их».

Тем временем на площадь вывели триста приговоренных. Сто семьдесят четыре из них царь решил помиловать и выдал на поруки земским боярам. Участь остальных была ужасна. Дьяк Василий Щелкалов вышел на середину площади и стал зачитывать длинный список, в котором были перечислены измены осужденных. Первым приговор зачитывается Ивану Висковатому. Многолетний руководитель русской внешней политики был обвинен в измене в пользу короля Польши и Литвы, хана Крыма и султана Турции. В ответ на обвинения он заявляет о своей полной невиновности и говорит о суде с царем в будущей жизни. По приказу Грозного Висковатого привязывают к поперечному бревну. Царь предлагает каждому особо верному ему принять участие в казни. Малюта Скуратов отрезал у несчастного печатника нос, другой — ухо и так далее. После смерти дьяка его тело снимают, отсекают голову, а останки рассекают на части.

Вторым казнят казначея Фуникова, который также отказался признать свою вину. Его привязывают к бревну и поочередно обливают холодной и горячей водой до тех пор, пока он не испустил дух. Остальных приговоренных также казнили — всего сто шестнадцать человек. Причем казни совершали приближенные самого царя, а напоследок, по словам Шлихтинга, Грозный лично убил копьем одного из обвиняемых. Казни продолжались четыре часа. Спустя несколько дней были убиты и члены семей казненных, включая детей*. Большинство из казненных были новгородские дворяне и приказные, вассалы новгородского архиепископа Пимена и дворцовая прислуга. Такие масштабные казни в Москве, как в 1570 году, больше при Иване IV не проводились, а вскоре вообще начался закат опричнины.

---

* ПСРЛ. Т. 34. С. 191; Новое известие о России времени Ивана Грозного: «Сказание» Альберта Шлихтинга. С. 45–49; Скрынников Р. Г. Царство террора. С. 541–543.